

Рядом с высокой лирикой

Рассказывает Аркадий РАЙКИН

Отправляясь в условленный час на деловое свидание с народным артистом СССР Аркадием Райкиным в канун его шестидесятилетия, корреспондент подготовил вопросы, ответы на которые должны, по его мнению, представить интерес для читателей.

Артист встретил журналиста со своей застенчивой, чуть-чуть извиняющейся, одним словом, «райкинской» улыбкой. «Пока я ждал вас,— сказал он,— я уже побеседовал с самим собой. Пусть вас это не удивляет. Человеку всегда есть о чем спросить себя, а тем более, если он подходит к какому-то рубежу. Может быть, вам интересно узнать, о чем Райкин говорил с Райкиным? Стенограмму этого интервью, записанную корреспондентом «Правды» Г. Кожуховой, мы предлагаем вниманию читателей.

— Итак, довольны ли вы своей судьбой, товарищ артист?

— «Счастлив писатель, который... окурив упоительным куревом людские очи: он чудно польстил им, сокрыв печальное в жизни, показав им прекрасного человека... Но не таков удел... писателя, дерзнувшего вызвать наружу все, что ежеминутно пред очами и чего не зрят равнодушные очи...». Современный суд «отнимет от него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта. Ибо не признает современный суд, что высокий... смех достоин стать рядом с высоким лирическим движением и что целая пропасть между ним и кривляньем балаганного скомороха!»

Так определял участь художника, работающего в нашем жанре, Николай Васильевич Гоголь, а он кое-что понимал в жизни и в людях.

За последние сто тридцать пять лет, прошедшие со дня написания «Мертвых душ» (откуда и взяты приведенные выше слова), в судьбе сатирика произошли коренные перемены. Нало ли объяснять, сколь благородно назначение сатиры в нашей жизни — с каждым днем преобразующаяся, обновляющаяся. Ведь бурное цветение и щедрый урожай возможны там, где нет сорняков. Борба с ними и составляет труд советского сатирика. Он — как врач — вскрывает недуг для того, чтобы его вылечить, обезвредить. Сатирик с открытым забралом воюет за добро в человеке, за победу добра. Но я погрешу против истины, если стану утверждать, что эта профессия приносит сплошные радости, хотя и их немало. Встречаются и сейчас — и не так уж редко — случаи не очень горячей любви к критике. По крайней мере к лирикам все еще относятся приветливее. Например, лирик напишет: «Редкая птица долетит до середины Днепра», — никому не придет в голову попрекать его за «очернительство» всего птичьего племени, хоть ясно, что любая птица легко перелетит Днепр. Сатирика тут же обвинят в недооценке, поклоне.

— Можно ли сделать из этого вывод, что недоброжелатели у вас больше, чем друзей?

— Это будет глубокой несправедливостью. За тридцатилетнюю биографию Ленинградского театра миниатюр не было на его представлениях ни одного пустующего места. Смее утверждать, что боль-

шинство людей, заполняющих залы, — наши друзья. Мои друзья.

Недавно я тяжело заболел. Как хотелось бы здесь назвать имя каждого, кто навесил меня, передал цветы или домашний пирог, испеченный для меня, прислал телеграмму или записочку со словами, которые в трудную минуту помогли мне лучше, чем лекарство... Спасибо вам всем!

И все же есть у меня многолетний «преданный» враг. Нег, это не склочный сосед по квартире и не сослуживец, изводящий меня анонимками. Если бы так, его легко было бы обезвредить: написал заявление в местком или товарищеский суд — и все в порядке. Деликатность ситуации заключается в том, что я не знаю ни его фамилии, ни его имени, ни адреса. Он существует в моей жизни инкогнито. Социально ли мы очередную миниатюру, репетируем ли песенку, выступаем ли на сцене — передо мной маячит его зловещая тень. Весь зал смеется, а он насупливает брови: «Не смешно».

«Здорово протянули они взятчиков», — весело говорят зрители, а в это время слышится мрачное шипенье инкогнито: «Это поклеп на нашу действительность». У него для всего есть готовые названия и устрашающие формулировки. Смех он именует зубокальством, критику — критиканством, легкую музыку — низкопоклонством перед Западом, Венеру — голый бабой, вид которой развращает нашу замечательную молодежь.

Спрах перед ним порой вынуждает нас тысячу раз приглядываться к изображенному на сцене нерадивому пожарнику: а не покажется ли он обобщением, не произойдет ли искажение образа всех наших героических пожарников?

Много лет назад, после очередной премьеры я был вызван повесткой (!) к одному из начальников ленинградской милиции за то, что блюститель порядка в чине сержанта избражался нами безграмотным и грубым.

— Вы дискредитируете постового в глазах народа! — грозно сказали мне.

— Да, но, может быть, милицию дискредитирую не я, а конкретный человек в синей форме? Может, надо наказать за это его? И потом один постовой — еще не вся советская милиция!

— Мы-то с вами, товарищ Райкин, понимаем, — ответи-

ли мне вкрадчиво и доверительно. — Но не всякий зритель это поймет...

Этот номер шел в нашей программе долго, и потому, как нормально его воспринимали, было ясно, что мой собеседник напрасно боялся за свой авторитет. Вот так порой мы не доверяем сами себе и своему зрителю, стараемся смягчить, разжевать, сгладить. Острая политическая и социальная направленность всегда остаются главным оружием советской сатиры. А когда произведение искусства проникнуто таким пафосом, оно будет и точно понято и верно истолковано.

— Интересно, а сам-то артист как относится к критике в его адрес?

— Соответственно.

Страстные, грамотные статьи люблю, даже если они содержат не одни похвалы. А еще люблю, когда спектакль (или роман) разбирается с точки зрения того, что в нем содержится, а не с позиции того, чего в нем нет. Между тем часто рецензент излагает тот вариант пьесы, которую сочинил бы он сам (если бы умел). В этом отношении критики порой напоминают прекрасный пол в тракторке О. Генри: «Женщина хочет того, чего у вас нет. Чем меньше чего-нибудь есть, тем больше она этого хочет».

Самое суровое слово умного, неравнодушного человека готов выслушать, а вот начетчика, перестраховщика — извините: трудно. Критика несправедливая или необоснованная не помогает...

— Каковы ваши творческие планы?

— Меня травмирует каждый случай разлада между словом человека и его делом. Я хотел бы посвятить свое искусство стиранию этой грани. Иногда кажется, что стоит только каждому из нас на своем месте постараться добросовестно и заинтересованно делать то, что ему предназначено, и сразу станет радостнее дальней идти по светлой дороге, по которой нам выпало счастье шагать. Во всяком случае себе желаю именно этого.

— А что вам хотелось бы пожелать жанру, в котором вы работаете?

— Чтобы он занял место рядом с поэзией и героической драмой, чтобы не угасало в сатирике «божественное пламя таланта», испепеляющее несовершенства жизни, расчищающее путь всему человечеству, подлинному, доброму.

Ну, пора заканчивать беседу, а то заместо праздничным юбилею праздничным словам получается очередное выступление в защиту любимого жанра. Но что делать, если он — любимый и если отдана ему целая жизнь...